УДК 94(470)"15"

О МИРСКИХ ВЫБОРНЫХ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ДВОРЦОВОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

© 2018 г.

Н.В. Соколова

Институт славяноведения Российской академии наук, Москва

natalia_sokolova@outlook.com

Поступила в редакцию 10.05.2018

Изложены итоги исследования, посвященного истории общины и крестьянского мирского самоуправления в нижегородской дворцовой деревне во второй половине XVI в. Целью работы было изучение основных категорий мирских выборных и их функций. В основу исследования положена совокупность как уникальных документов, например «сотной грамоты» Узольской волости 1560 г., так и массовых делопроизводственных источников – указных грамот, писцовых, отводных и отказных книг. Сделан вывод о взаимосвязи между практикой осуществления земской реформы и деятельностью мирских выборных в нижегородской дворцовой деревне. Исследование выявило отдельные случаи несовпадения крестьянских общин с границами дворцовых территориально-хозяйственных комплексов. Анализ источников свидетельствует также о наличии определенных особенностей в функционировании мирских старост и других выборных крестьян в бортных и посопных селах и деревнях.

Ключевые слова: «сотная грамота», дворцовая волость, община, крестьяне, крестьянское самоуправление, староста, Нижегородское Поволжье, Узольская волость.

Почти три десятилетия прошло с того времени, когда в обобщающем труде по истории крестьянства России В.Д. Назаров, характеризуя изученность крестьянской общины конца XV – середины XVII в., написал: «…достаточно полно изучена хорошо документированная волостная община на черносошных землях Европейского Севера и Северо-Востока, и практически необследованной остается история общины в основных областях страны, и прежде всего на дворцовых землях, во владениях светских и церковных феодалов. Главная причина – отсутствие соответствующей источниковой базы» [1, с. 273]. Приходится констатировать, что в том, что касается дворцовой деревни XVI в., замечание ученого по-прежнему справедливо.

Для XVI в. источники чаще всего содержат информацию, фиксирующую лишь сам факт существования мирских выборных – старост и/или целовальников. Нижегородский край здесь не является исключением. Уникальный комплекс документов по истории Узольской волости позволяет исследовать ход осуществления земской реформы в заволжской деревне и некоторые процессы, связанные с формированием здесь волостной общины [2]. Особый интерес в этом контексте представляет текст сотной грамоты 1560 г. Узольской (Заузольской) волости с писцовых книг 1558/1559 г. кн. Юрия Григорьевича Мещерского и Молчана Игнатьевича Ростопчина.

В начале XX столетия список сотной грамоты был обнаружен А.И. Звездиным и представлен в заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, с последующей публикацией в «Действиях НГУАК», частью в извлечениях, частью в изложении [3]. Во второй половине XX столетия в ряде книг и статей упоминалась рукопись XVIII в., хранящаяся в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике [4, с. 313; 5, с. 295; 6, с. 214–215]. Е.И. Колычева писала позднее, что «с известной долей осторожности можно предполагать, что сборник Нижегородского музея и есть находка А.И. Звездина» [7, с. 25]. Исследовательницей было подготовлено издание содержащихся в нем узольских документов, включая сотную грамоту 1560 г., которое увидело свет в 1997 г. [7, с. 28–41]. Другой список, выполненный, судя по скрепам, одновременно с нижегородским, С.В. Сироткин обнаружил в РГАДА[1]. Важно подчеркнуть, что, в отличие от нижегородской рукописи, в Архивном списке текст сотной грамоты 1560 г. не содержит лакун. К сожалению, и после его введения в научный оборот[2] исследователи и краеведы продолжали обращаться к публикации 1997 г.[3] В полном объеме текст сотной грамоты Узольской волости издан лишь в 2016 г. [8].

Сотная 1560 г. рисует картину волостного самоуправления, мирского по своей сути, в период его наибольшей независимости, когда «крупные и средние дворцовые владения получили… самоуправление в сфере суда (по делам низшей юрисдикции) и сбора основных налогов» [1, с. 282]. Когда именно земские учреждения вво-

дились на дворцовых землях Балахнинского уезда и какова была эта процедура, сказать трудно. Нельзя исключить, что писцы в 1558/1559 г. «приказывают» волость ранее избранным крестьянам, руководствуясь специальной уставной грамотой, аналогичной сохранившейся грамоте дворцовым крестьянам Переславского уезда от 29 апреля 1556 г. [9]. В Описи царского архива 70-х гг. XVI в. значится «балахонская» уставная грамота, которая, по мнению Н.Е. Носова, была «отставлена» в результате земской реформы [10, с. 34; 11, с. 476]. Однако пример «переславского» акта показывает, что подобная грамота, представляющая собой, по сути, устав деятельности новых земских властей в дворцовых селах, могла быть оформлена и во второй половине 50-х гг. Возможно, уставная грамота для Балахны и Заузольской волости была общей (подобные примеры по Европейскому Северу известны), что и объясняет запись документа в Описи как «балахонской» уставной грамоты. В этой связи отметим, что составитель сотной 1560 г. называет челобитчиков, жителей Узольской волости, «балахонцами» («И царь и великий князь балахонцев Узольские и Везломские волости старосту Кирюшу Семенова и всех крестьян тех волостей пожаловал…»)[4]. Можно предположить, что «балахонские целовальники», наряду с «балахонскими городовыми прикащиками Дмитреем Васильевым сыном да Ондреем Григорьевым сыном Якимова», принимавшие участие в отдаче на оброк мельницы на реке Узоле в 1539/1540 г. («и выборные целовальники с мельники оценили и отдали...»), также избирались не только от Балахны, но и от Узолы[5]. Тогда это – самое раннее упоминание о мирских выборных Узольской волости.

Однако выборы «излюбленным головам, судьям, и старостам и целовальникам» могли и совпадать с писцовым описанием. Включение в состав нового акта документов, на которых он основывается, было характерной чертой русского делопроизводства рассматриваемого времени (достаточно вспомнить так называемые включенные акты в судных списках). В данном случае в писцовых книгах 1558/1559 г. оказался «растворен» текст «излюбленного списка», аналогичного тем, о присылке которых в Москву говорится в земских уставных грамотах середины 1550-х гг. [12, с. 114, 117, 121]. Фактически это прообраз хорошо известных для более позднего времени выборных приговоров на крестьян, избираемых на различные мирские должности. Формирование мирского письменного делопроизводства, бесспорно, шло под влиянием делопроизводства государственного. Не случайно самые ранние из известных нам упоминаний о письменных выборах в Центральной России относятся к избранию крестьян в целовальники к различным государственным сборам, а не к собственно мирскому самоуправлению [13]. Попытаемся реконструировать «излюбленный список» по тексту сотной грамоты.

Если рассматривать данный документ с точки зрения условного формуляра, то dispositio, по-видимому, состояло из нескольких статей. В частности, легко «прочитывается» текст статьи, констатировавшей сам факт мирского выбора, должности и имена крестьян: «…волость Узолская и селцо Спаское ведати на царя и великого князя тутошным же людям, которых излюбили (сравним с более поздней формулой мирских приговоров «выбрали и излюбили». – *Н.С.*) Узолская волость и селчане Спаского селца и Везломская волостка, в судьи Саву Власова сына Строкина да Федора Плохова Андреева сына, а в старосты Игнатья Александрова сына Олюшина, а в целовальники Гордея Васильева сына Протопопова да Суровца Онисимова сына да Макара Андреева сына да Ивана Андреева сына Филипьева внука Обанина да Худяка Васильева сына да Карпа Васильева сына да Ивана Сидорова сына с Частромежного да Ивана Обрамова сына Душку». Далее описываются функции земских выборных: «И тем людям, излюбленным головам, судьям и старостам и целовальникам Саве Власову с товарыщи тех Узолские волости и Спаского сельца и Везломские слободки крестьян судить и оброки денежные и медовые и всякие доходы збирать, и в государеву казну платити, и управа меж их во всяких делех чинить…»[6]. Отметим, что при выборе целовальников явно не руководствовались принципами пропорционального представительства разных частей волости. Так, от бывшей вотчины Перепечиных (сельцо Спаское, деревня и два починка, всего 16 дворов, что составляет менее 5% от общего числа дворов в волости) было избрано два целовальника, а от Везломской волостки – никого.

Следующее затем перечисление имен, которое заключает формула «и во всех крестьян место», восходит, вероятно, к intitulatio: «А излюбили тех людей, которым ведати на царя и великого князя волость Узола и сельцо Спаское и Везломския слободка Узолские волости и Спаского селца и Везломские слоботки крестьяне сотской Парфенко Иванов сын Ляпугин да крестьяне Алексеи Григорьев сын Якимов, да Борис Иванов сын Шуба, да Гаврило Козмин сын Воронин, да Сокол Васильев сын Минин, да Иван Григорьев сын Голянище, да Андрей Иванов сын Кухтин, да Верещага Павлов сын, да

Прокофеи Кондратьев сын, да Игнатеи Оксенов сын, да Ульянко Александров сын Олюшин, да Истома Окулов сын, да Дмитреи Семенов сын, да Игнатеи да Василеи Козмины дети Плесянинова, да Сава Ларионов сын, да Григореи Артемьев сын, да Иев Семенов сын, да Онкудин Иванов сын Ременников, да Потапеи Бурков сын Голомон Зина, да Яков Онфимов сын Обресков, да Клементеи Карпов сын Пан, да Кирьяк Семенов сын, да Володимир Патрекеев сын и во всех крестьян место Заузолские волости и Спаского сельца и Везломские слоботки»[7]. Трудно сказать, совпадает ли перечень выборщиков с subscripsi «излюбленного списка» – удостоверительными записями. Так, по другим источникам известно рукоприкладство одного из выборщиков – Сокола Васильева сын Минина – как послуха на заемной кабале[8]. Поскольку сохранившиеся уставные грамоты требуют прислать документ, подписанный выборщиками, можно предположить, что и остальные были грамотными. В ряде случаев в перечне фигурируют по два человека от одной деревни (Яков Обресков и Кирьян Семенов; Сава Ларионов и Потапей Бурков), что также может косвенно свидетельствовать в пользу предположения о грамотности остальных узольских выборщиков.

Сотная называет, таким образом, две группы крестьян, принимавших участие в формировании земского самоуправления в Узольской волости и его функционировании, – выборщиков и собственно «излюбленных голов». Актовый материал по Балахне за середину XVI в. до нас практически не дошел, поэтому восстановить «социальное лицо новых земских властей» [11, с. 316] и мирских выборщиков можно лишь фрагментарно. Так, староста Игнатий Александров сын Олюшин – из старожильцев волости Узола. Они с братом были зафиксированы писцами еще в книгах М.А. Жедринского и подьячего Карпа Игнатьева (1533 г.) в качестве дворовладельцев единственного двора в деревне Иконниково, что может служить некоторым основанием для суждения о возрасте узольского старосты. Любопытно, что именно здесь будет построен второй храм волости – в писцовых книгах начала 1590-х гг. зафиксирован уже «погост Иконников»[9]. Из местных старожильцев, как и староста, были некоторые из целовальников и выборщиков. Так, в книгах 1533 г. упомянут предок целовальника Ивана Андреева сына Обанина – Филип Обанин, а однодворные деревни Избища и Кузнецова записаны одновременно за Левкой и Васюком Плесяниковыми, который назван среди выборщиков. Отец Суровца Онисимова сына Маурина – Онисим Маурин значится в перечне получателей грамоты на отведенные жителям Балахны сенокосы[10]. Примеры можно продолжить. Как показывает анализ текста, в писцовых книгах Михаила Жедринского и Карпа Игнатьева описана некая социально гетерогенная общность держателей великокняжеской земли, не являющаяся еще «крестьянской общиной» [14]. К концу 1550-х гг. процесс социальной гомогенизации в волости Узола еще не завершился. В подобном контексте вывод С.Н. Кистерева о «довольно-таки широком использовании в крестьянских хозяйствах Узольской волости труда подневольных людей» представляется безусловной модернизацией [15, с. 16].

Сотский в числе вновь избираемых земских должностных лиц Узольской волости не значится. Наоборот, с его имени начинается перечень выборщиков (Парфенко Иванов сын Ляпугин). На момент писцового описания 1558/1559 г. в должности сотского Балахны находился Данила Давыдов («Заимище Яблонное… А порука по нем в оброце Данило Давыдов сотской балахонской»)[11]. Летом 1560 г. в качестве представителя Узолы в ее сношениях с внешним миром выступал уже другой сотский: о выдаче сотной грамоты «бил челом» государю Кирюшка Семенов. Установить, произошла смена сотского в Узольской волости в результате истечения срока нахождения в должности, т.е. вследствие существовавшей традиции ротации мирских выборных, или по иным, в том числе «естественным», причинам (например, в связи с болезнью или смертью прежнего), невозможно[12]. Вероятно, сотский существовал в волости и до земской реформы. О наличии или отсутствии в Узольской волости до земской реформы Ивана IV волостного старосты источник судить не позволяет. Отметим описку (?) составителя сотной грамоты, назвавшего Кирьяна Семенова в одном месте текста сотским, а в другом – старостой[13]. Функции «росылщика» Мелеха из деревни Середовинное понятны из наименования должности[14].

Таким образом, в тексте сотной грамоты 1560 г. с писцовых книг 1558/1559 г. достаточно наглядно проявилась субъектность крестьянского мира дворцовой деревни середины XVI в., обычно фиксируемая лишь в единичных сохранившихся уставных грамотах дворцовым крестьянам [16]. Источники свидетельствуют, что подобные структура сельского мира, организация и принципы его функционирования, восходящие ко времени земской реформы, характерны в этот период и для других нижегородских дворцовых владений.

В этой связи обратим внимание на акты из архива Суздальского Спасо-Евфимьева мона-

стыря. Так, в связи с челобитьем духовной корпорации о неких озерах, 5 апреля 1566 г. была послана царская указная грамота «в Нижегородцкой уезд в наши дворцовые в Павловские села приказщику Тимофею Хорлантьеву». Последнему, прежде всего, надлежало «сыскал сторожильцы подлинно» о принадлежности озер. Однако роль мирских выборных не была пассивной. В частности, приказчику следовало взять с собой «старост и целовальников, и людей добрых тутошних жилцов, которые б люди в реках и в озерах на рыбные ловли оброк положити знали» и, после оценки («чего которое озеро за рыбные ловли оброком стоит»), передать 7 озер в монастырь обезоброчно. Указная грамота предписывала, чтобы приказчик «достальные б еси озера отдал Павловских сел крестьяном Офоне Воробьеву с товарыщи по книгам и по их оброчной грамоте по старине, да межи б еси меж тех монастырских и оброчных озер положил и по урочищам росписал».

Процедура подлежала обязательному документированию с участием мирских старост и целовальников, земского дьячка, грамотных крестьян и/или священников: «Да и выписи б еси им розъезжьжие подовал за своею рукою и за целовальниковыми руками. А на которые озерка по скольку оброку положыл, и ты б велел то писати земскому дьяку на список подлинно порознь по статьям… А х тому б списку ты, приказщик, и старосты, и целовальники, и крестьяне, которые с тобою у озер будут, а грамоте умеют, руки свои приложили, а которые люди грамоте не умеют, и в тех бы людеи место отцы их духовные руки свои приложили. Да тот бы еси список прислал к нам на Москву в приказ Казанского дворца с ыными нашими делы, а не нароком, часа того» [17, с. 272].

Таким образом, дворцовые крестьяне принимают участие в оценке государственной собственности, отдаваемой на оброк волостным же крестьянам, а также являются гарантами соблюдения установленных в ходе «разъезда» межей. Аналогия с процедурой оценки и отдачи на оброк узольских мельниц в 1539/1540 г. прослеживается абсолютно явная. Сравним: «И лета 7048-го по государеве грамоте великого князя Ивана Васильевича всея Русии балахонские городовые прикащики Дмитрей Васильев сын да Ондрей Григорьев сын Якимова з балахонскими целовальники да с мельники за рекою за Волгою на устье реки Узолы две мельницы Коняши Хвоста, на той же плотине мельница Савы Онфимова с товарыщи. И выборные целовалники с мелники оценили да отдали Саве Власову сыну Строкина»[15].

Роль мирских выборных дворцовых волостей рельефно проступает в опубликованных Г.Н. Анпилоговым нижегородских источниках конца XVI в., в частности в отказных и отдельных книгах. Контекст, в котором упоминаются мирские выборные, довольно однообразен и предопределен характером документальной базы. Речь идет об участии мирских выборных, часто вместе с рядовыми крестьянами, прежде всего местными старожильцами, в неких действиях того или иного лица, присланного для сыска, отказа, отдела земель, расположенных в межах или вблизи дворцового территориально-хозяйственного комплекса. Так, имя «бортных деревень и волостей старосты Семена Евсевьева» названо среди прочих людей, кого нижегородский городовой приказчик Филипп Воецкой спрашивал при отделе земли – «попов по священству, а детей боярских, приказщиков и старост и бортников по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии крестному целованью, то Лазарево поместье порожжо ли, в поместье и в вотчину наперед сево кому не отдано ль и к государевым дворцовым селам и к черным волостям и к ямским слободам не приписано ли» [18, с. 240, 241].

В других случаях мирские выборные выступают в качестве свидетелей (являются «понятыми») уже непосредственно на отделе или отказе, как правило, поместных земель. Например, в отказных книгах помечено: «А на отказе были понятые села Лекеева поп Никита Никитин сын, да поп Сава Конанов сын, да села же Лекеева староста Володимер Петров сын Тиханов» [18, с. 332, 350]. В другом документе зафиксировано, что «на отделе были села Лекеева бортники староста Никита Иванов сын Бусурманов…» [18, с. 386].

Среди прочих довольно однотипных записей можно выделить источники, повествующие об участии в подобных действиях старосты села Ворсма Салтана Дмитреева. В ряде документов он упомянут дважды – и в качестве понятого, присутствовавшего на отделе/отводе, и как лицо, приложившее руку к документу: «А на отводе священники ворсоминской поп Фома, да борисоглебской поп Михайло, да воскресенской поп Семион, да ворсомские крестьяня староста Салтан Дмитреев, да Ждан Федоров, да Яков Микифоров, да Семен Данилов, да Максим Кондратьев, да Насон Онтонов, да Евлампей Давыдов, да Грудцынские бортники Милюта Филипьев, да Василей Федоров, да Бесон Олексеев, да Иван Нефедьев. А книги писал борисоглебской дьячек Ивашко Иванов. А у книг рука борисоглебского попа Михайла, да ворсомского попа Фомы, да села Ворсмы старосты Салтана Дмитреева» [18, с. 249]. Отметим, что его рукоприкладства встречаются неоднократно

Таблица

Старосты «павловских сел» в конце XVI в.

	5 июня 1597 г.	5 апреля 1598 г.	1597/1598 г.		23 августа 1599 г.
			«прошлаго 105-го году»	«нынешняго 106-го году»	
«староста Павлова острогу» или «Павловского острогу староста пашенной»	Гаврило Иванов	Данило Кузьмин	Гаврило Иванов	Данило Кузьмич	Тимофей Петров
«павловских деревень староста»	Степан Семенов	Степан Семенов	Степан Семенов	Борис Орефьев	нет данных
«села Давыдова староста» или «Давыдовского села староста»	Огафон Олексеев	Микита Панкратов	Огафон Олексеев	Никита Панкратов	Неустрой Семенов

и в различных сочетаниях с рукоприкладствами священников расположенных поблизости храмов («А у книг рука села Пашигорева преображенского попа Ивана, да села Ворсмы вдового попа Тимофея, да ворсомского старосты Салтана Дмитреева», «А у книг рука села Ворсмы вдового попа Тимофея, да старосты Салтана Дмитреева, да ворсомсково ж попа Фомы» [18, с. 248, 272]). Это единственный мирской староста дворцовых владений из всего комплекса опубликованных Г.Н. Анпилоговым книг 1596–1600 гг., о котором достоверно известно, что он был грамотен.

Безусловный интерес представляет комплекс документов, возникших в ходе проходившего в несколько этапов выделения из дворцового фонда земель павловским стрельцам: «Лета 7105-го июня в 5 день по государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всеа Русин грамоте и по наказу государева воеводы Левонтья Ивановича Оксакова да государева дьяка Ивашки Шерапова велено сыну боярскому Роману Левонтьеву в Нижегородцком уезде в государевых в дворцовых в Павловских селех отмерити из государевых ис пустых ис Павловских сел ис порожжих земель Павлова острогу стрельцам Игнате Ильину с товарыщи 50 человеком, к прежней их даче, и учинити за ними против мурашкинских стрельцов 270 чети в поле, а в дву потому ж, по 5 чети с осминою без четверика и без пол-пол-полчетверика на человека в поле, а дву потому ж. И Роман Левонтьев, взем с собою Павловских сел старост и целовальников и крестьян отмерил и отвел в Давыдовском поле Павлова острогу стрельцом под паренину от Княининского рубежа от валовые межи до Вертягинские межи по Сарымовскую дорогу вверх 21 десятину, да от Опаленского и от Княининского рубежа по Вертягинской рубеж отмерил и отвел 60 десятин, да х тому домерил сряду из Вертягинские пустоши 4 десятины…».

Как свидетельствуют источники, мирские старосты избирались как в самом селе Павлове, так и, отдельный, для «павловских деревень»; еще один староста был и в селе Давыдове: «А с Романом были Павлова острогу спасской поп Василей Григорьев, да села Давыдова богоявленской поп Микита Иванов, да староста Павлова острогу Гаврило Иванов, да павловских деревень староста Степан Семенов, да Давыдовского села староста Огафон Олексеев, да Третьяк Опалин, да Офонасей Иванов Цепелев, да Ондрей Опалин, да Сава Вакулов». При этом в четырех документах, датированных интервалом с 5 июня 1597 по 23 августа 1599 г., упомянуты по три сменявших друг друга старосты сел Павлово (Павлов острог) и Давыдово, но только два имени старосты «павловских деревень» [18, с. 211–212, 244, 291–292].

Анализ данных, приведенных в таблице[16], показал, что существовала практика ротации мирских выборных на этих должностях, вероятно ежегодной. Уточнение к имени старосты в отводных книгах 1597/1598 г. (был ли он выборным «прошлаго 105-го году» или «нынешняго 106-го году») позволяет предположить, что переизбрание здесь было приурочено к началу календарного года, то есть к 1 сентября. Тот факт, что в документе от 23 августа 1599 г. названы лишь «пашенный староста» села Павлова и староста села Давыдова, не может быть интерпретирован как однозначное отсутствие на этот момент старосты у крестьянской общины «павловских деревень», поскольку причины его неучастия в сыске по поводу поместных земель могли быть различными, в том числе сугубо житейскими. Источники также не позволяют судить, почему присутствовавший на отделе 5 апреля 1598 г. Степан Семенов назван в источнике старостой, хотя согласно прочим документам он занимал эту мирскую должность в 1596/1597 г. Можно лишь осторожно предположить, что это он оказался на апрельских мероприятиях, завершающих отдел земли павловским стрельцам, в связи с тем, что данная процедура пришлась в основном на период его нахождения в выборной должности, и механически записан в документе «старостой». Использование эпитета «пашенный» применительно к старосте села Павлова, по-видимому, является следствием некого функционального различия павловских мирских выборных. Думать так заставляет имеющаяся ин-

формация о составе населения Павлова, где наряду с «пашенными крестьянами» проживали также крестьяне «непашенные», бобыли и стрельцы. Иными словами, исследование выявило факт очевидного несовпадения крестьянских общин с границами дворцового территориально-хозяйственного комплекса.

В документах конца XVI в. выявлены упоминания мирских старост еще 8 нижегородских дворцовых территориально-хозяйственных комплексов: село Богородское, Матюшевская волость, деревня Шаргали, село Сосновское (по одному имени); Кожуховская волость, село Шахманово (по два); село Ворсма, село Лекеево с деревнями (по три). В большинстве случаев источники прямо указывают, к какой дворцовой волости, селу или деревне принадлежит мирской выборный. Единственным исключением, потребовавшим уточнения, является упоминание «бортных деревень и волостей (так. – *Н.С.*) старосты Семена Евсевьева» [18, с. 240, 241]. Поскольку следом за ним записаны имена жителей деревень Горищева, Панина, Филюкова, Рагозина, известных под теми же (или незначительно отличающимися) названиями по дозорным книгам Василия Борисова 1587/1588 г. как относящиеся к Матюшевской волости, была сформулирована гипотеза о том, что речь идет о старосте «бортников матюшевских». Обращение к тексту дозорных книг позволило выявить двор Семена Евсевьева в деревне Старой Зеленцове («Деревня Старой Зеленцова на речке на Симановке, а в ней бортники: [… (в) Семен Евсевьев, четь выти…»][17]). Соответствие установлено также для ряда других перечисленных в отдельных книгах имен. Например, в тех же деревнях жили в 1587/1588 г. Ломака Иванов сын Сидоров из деревни Панино («Деревня Панино на речке на Пери, а в ней бортники: …(в) Ломака Иванов, четь выти») или «Родивон Володимеров» из деревни Филюкова («Деревня Филюкова, а Мокшеево то ж, на Зобиином Раменьи, а в ней бортники: [… (в) Родя Валодимеров, четь выти…»][18]. Таким образом, данный староста, безусловно, представлял волостное мирское самоуправление «матюшевских бортников», являясь одновременно, наряду с некоторыми другими перечисленными в тексте лицами, и местным «старожильцем».

В отдельных книгах, составленных по итогам деятельности нижегородского городового приказчика Филиппа Воецкого летом 1597 г., читаем: «А понятые были бортники Кожюховские волости деревни Избыльца староста Дмитрей Васильев сын, да деревни Понадьина Григорей Яковлев сын да Игнатей Васильев сын, деревни Кожуховы Пуня Иванов…» [18, с. 260 об.–261]. Согласно дозорным книгам 1587/1588 г., Дмитрий Васильев и тогда жил в данном поселении («Деревня Избылец на реке на Оке, а в ней бортники: … (в) Митя Васильев, четь выти…»)[19]. По-видимому, топоним в отдельных книгах конца XVI в. указывает именно место его проживания, а не волостной центр. Подобная практика идентификации старост (особенно с распространенными именами и отечествами/дедичествами) – по названию их деревни – была общепринятой и в XVII в.

Менее чем через год, в книгах, датированных 22 апреля 1598 г., старостой назван уже другой человек: «А на отделе были Кожуховские бортники староста Воин Михайлов, да Терентей Титов, да Степан Сидоров, да Григорей Яковлев…» [18, с. 285]. Аналогична информация о старосте и еще в одной, судя по контексту – более поздней, записи: «…да сторонние люди Кожуховские бортники староста Воин Михайлов, да Степан Сидоров, да Ондрей Терентьев, да Петр Григорьев, да Кирило Терентьев, да деревни Попадьина Игнатей Васильев, да Григорей Яковлев…» [18, с. 297]. В данных текстах уже нет ни упоминания волости, ни названия деревни, где живет староста. Однако сопоставление имен из этих трех перечней показывает, что из 13 упомянутых в них лиц 5 человек выступали в качестве понятых дважды, еще двое – по три раза, т.е. речь идет о той же Кожуховской волости.

В этом контексте стоит обратить внимание еще на один документ, в котором, вероятно, тот же человек упомянут как «села Ворсмы старожилец Воин Михайлов» [18, с. 319]. Иными словами, он принимал участие в отделах и отказах конца XVI в. не только как староста, т.е. «по должности», но и в силу определенного жизненного опыта и знания местных реалий. В сохранившемся списке дозорных книг Василия Борисова 1587/1588 г. село Ворсма с деревнями отсутствует, поэтому мы можем лишь предполагать род его занятий, возможно он тоже бортник или был им. Расстояние между селом Ворсма и «кожуховскими деревнями», а оно составляло менее 20 верст, безусловно, не могло препятствовать его избранию старостой. Существование исторической связи «кожуховских деревень» с дворцовыми землями на реке Ворсме, на мой взгляд, подтверждает зафиксированный в разъезжей грамоте от 25 мая 1566 г. факт присутствия на разъезде и межевании земель «бортников кожуховских» «Борисоглебского попа Федора» [15, с. 273–274]. Время возникновения Никольского погоста, в непосредственной близости от деревень «кожуховских бортников», известного по писцовым книгам

1620-х гг., не установлено [19, с. 713, 717]. Возможно, «кожуховские бортники» и в конце XVI в. являлись прихожанами Борисоглебского храма на Ворсме и там же находился центр волостной общины?

По материалам XVII в. хорошо известно, что в вотчинах мелких и средних монастырей избрание в волостные старосты нередко требовало нахождения крестьянина в монастыре или в подмонастырской слободе практически на постоянной основе. Тем самым сужался круг лиц, из которых сходу приходилось его выбирать, поскольку многие дворохозяйства не могли себе позволить отсутствие в течение длительного срока одного из мужчин-работников (тем более – единственного полного работника). В такой ситуации можно ожидать как нахождения старосты в должности в течение длительного срока, так и более частые повторные избрания. Если высказанное выше предположение о Борисоглебском погосте как религиозно-общинном центре «кожуховских бортников» верно, то с учетом специфики расположения этого погоста вблизи речной переправы на «Большой московской дороге» («пониже вершины тое реки… через речку Ворсму мост на клетках, делают тот мост для государевы казны и послов и посланников Нижегородцкого уезда сошными людми, которые к Ворсми подошли смежно по сошному писму» [19, с. 726]), упоминание в документах, как минимум, двух лет в качестве волостного старосты именно Воина Михайлова, «старожильца» расположенного рядом с погостом села Ворсма, получает логичное объяснение.

Мирские старосты сел Лекеево и Ворсма, по-видимому, переизбирались ежегодно. Так, под 30 августа 1598 г. известен староста «лекеевских бортников» Молчан Иванов [18, с. 299], под 6 мая и 16 июня 1599 г. – Володимер Петров сын Тиханов [18, с. 332, 350], под 23 октября 1599 г. – Никита Иванов сын Бусурманов [18, с. 386]. Следовательно, как и в «павловских селах», переизбрание здесь происходило около 1 сентября. Староста «государева села Ворсмы» (или «Ворсомского села») Салтан Дмитреев фигурирует в четырех отдельных книгах 1597 г. (8–10 июля и 20 сентября) [18, с. 246, 248, 249, 272]. Еще два старосты того же села, согласно источникам, были в должности 21 июня 1599 г. (Максим Кондратьев) и 28 июля 1599 г. (Панфил Иванов) [18, с. 249, 349, 368]. Если предположить, что речь не идет о какой-то нестандартной ситуации, то переизбрание старосты данного села происходило летом, ориентировочно – 1 июля. Однако в большинстве случаев имеющаяся информация источников недостаточна для корректного суждения о ротации мирских выборных.

Другие мирские должностные лица встречаются заметно реже. Так, целовальник Первой Сидоров зафиксирован в селе Богородском [18, с. 367], губной сотский Федосей Прокофьев – в Шахмановской волости [18, с. 240], десятский Проня Федоров – в Сосновской волости [18, с. 308, 310]. Наконец, в отдельных книгах выявлено наличие в некоторых из дворцовых волостей земских дьячков. Так, все использованные в таблице документы были составлены «павловских сел земским дьячком» Дмитрием Алексеевым, записавшим свое имя в нескольких вариантах («А отводные книги писал Павловских сел земской дьячек Митя Олексеев», «А отводные книги писал Павловских сел земской дьячек Митя Алексеев», «А отводные книги писал Павловских сел земской дьячек Дмитреец Алексеев») [18, с. 212, 235–236, 245, 292]. В опубликованных Г.Н. Анпилоговым нижегородских отдельных книгах фигурируют также «земской дьячек Богородцких деревень Поярко Иванов сын Бурков», «Федотко Конанов села Ворсмы земской дьячек»[20], «Фетька Насонов села Ворсмы земской дьячек». Два имени земских дьячков известны для села Поповского («села Поповскаго земской дьячек Федор Иванов сын Жюков»[21], «села Поповского земской дьячек Семейка Остафьев сын Кусменев»). Однако трудно сказать, идет ли речь об их одновременной работе (что возможно, с учетом значительной территории данного дворцового территориально-хозяйственного комплекса) или один сменил другого. На 1598/1599 г. земские дьячки, по-видимому, отсутствовали в Сосновской волости и в селе Лекеево, их функции выполняли церковные дьячки («А писал те отдельные и сыскные книги государева бортного села Сосновского Фроловской церковной дьячек Петруша Иванов лета 7107-го году», «А книги писал села Лекеева церковной дьячек Михайло Олексеев») [18, с. 230, 240, 247, 253, 269, 272, 312, 314, 318, 343, 346, 349].

Таким образом, важнейшими источниками по истории сельской общины в Нижегородском Поволжье второй половины XVI в. являются сотная Узольской волости 1560 г., дозорные книги Василия Борисова 1587/1588 г., отводные и отказные книги конца столетия. Их комплексный анализ позволяет исследовать проблему соотношения территории дворцовых хозяйственных комплексов и волостных общин, а также ряд вопросов, касающихся функционирования крестьянского самоуправления, в частности о номенклатуре выборных должностей, об их основных функциях, о ротации старост[22].

Примечания

1. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1265–1293. В публикации документа из данного сборника, предпринятой исследователем в 2002 г., указан неверный фонд. Данный казус нельзя отнести к разряду опечаток, поскольку название фонда соответствует номеру: «РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2. Д. 1496» [20, с. 119]. Во избежание недоразумений ссылки на тексты из данной рукописи даются мной в двух вариантах, и на публикацию, и на соответствующие листы архивного дела.

2. Сотная грамота 1560 г. по рукописи из РГАДА впервые была проанализирована в моей статье 2000 г. Там же список был назван «Архивным» [2].

3. Так, П.В. Чеченков и в 2016 г. пишет: «Из описания 1558/59 г. мы располагаем лишь фрагментом. Однако поскольку он сохранил итоговые подсчеты писцов, мы можем эффективно использовать заложенную в нем информацию, сопоставляя ее как с предыдущим, так и с последующим описанием» [21, с. 61].

4. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1265 об.; [8, с. 119].

5. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 848; [20, с. 167].

6. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1290; [8, с. 159].

7. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1290–1290 об. Цитируется по тексту Архивного списка, т.к. в публикации данный фрагмент не совсем исправен [8, с. 159–160].

8. РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 370. Л. 7.

9. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 808 об.; [20, с. 129].

10 РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 370. Л. 10; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 809, 842 об.; [20, с. 129–130, 162].

11. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1288–1288 об., 1290; [8, с. 156–157, 159].

12. О многолетнем пребывании сотского в должности см.: [22, с. 245–255].

13. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1265 об.; [8, с. 119].

14. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1272; [8, с. 131].

15. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1496. Л. 848; [20, с. 167].

16. Составлено по: [18, с. 212, 235, 245, 292, 353, 355].

17. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 45 об. – 46.

18. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 43 об., 45.

19. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 55 об.

20. Возможно, он упомянут еще в одном документе из той же публикации, если предположить, что лакуна в имени была восстановлена некорректно: «А роздельные книги писал Федот [Констант]енов сын села Ворсмы земской дьячек» [18, с. 349].

21. У того же документа руку «села Поповсково земсково диячка Фетьки Дюкова» [18, с. 240]. По-видимому, мы имеем дело с опиской (или опечаткой?), и это одно и то же лицо.

22. Вопрос о финансово-фискальных и поземельных функциях общины и мирских выборных вынесен за рамки данной статьи из-за ограничений ее объема. Подробнее см. соответствующие параграфы монографии автора: Соколова Н.В. Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII вв. (в печати).

Список литературы

1. Назаров В.Д. Формы социальной организации крестьянства и судьбы общины. Крестьянство в системе сословного представительства // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма / Отв. ред. Н.А. Горская. М., 1990. С. 273.

2. Соколова Н.В. Община и мирское самоуправление в Заузольской волости во второй половине XVI в. // Городецкие чтения. Вып. 3. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Александр Невский и его эпоха». Городец, 20–23 марта 2000 г. Городец, 2000. С. 103–117.

3. Звездин А.И. Материалы по истории заселения Нижегородского края // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]–18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. Нижний Новгород, 1888–1916. 44 т. 1908. Т. VII. С. 152–158.

4. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

5. Кудрявцев И.М., Шлихтер Б.А., Щапов Я.Н. Археографические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в 1953–1956 годах // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 265–301.

6. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

7. Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова; отв. ред. Н.А. Горская. М., 1997.

8. Сироткин С.В. Сотная 1560 г. с писцовой книги 1558/59 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 115–178.

9. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. № 165.

10. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.

11. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

12. Наместничьи, губные, земские и уставные грамоты Московского государства. М., 1909.

13. Описание актов собрания графа А.С. Уварова. Акты исторические, описанные И.М. Катаевым и А.К. Кабановым. М., 1905. № 61, 62.

14. Соколова Н.В. К истории великокняжеского домена, или Попытка нового прочтения книги М.А. Жедринского и подьячего Карпа Игнатьева (1533 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840001886-3-1 (дата обращения: 15.02.2018).

15. Кистерев С.Н. Обозрение 19-го выпуска «Очерков феодальной России» // Вестник «Альянс-Археo». Вып. 18. М.; СПб., 2017. С. 3–30.

16. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 201, 240.

17. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина, ред. С.Н. Кистерев. М., 1998.

18. Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977.

19. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVIII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. Ч. 1.

20. Сироткин С.В. Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002.

21. Чеченков П.В. Между войной и кризисом: тенденции аграрного развития Нижегородского края в 60–70-х годах XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М., Уфа, 2016. С. 57–64.

22. Данилова Л.В. Сельская община в Средневековой Руси. М., 1994.

ON 'MIR REPRESENTATIVES' IN THE NIZHNY NOVGOROD PALACE VILLAGE IN THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY

N.V. Sokolova

The article outlines the results of a study on the history of obshchina and peasant community self-government in Nizhny Novgorod palace village in the second half of the 16th century. The aim of the work was to study the main categories of the mir representatives and their functions. The research is based on a combination of unique documents, for example, the «sotnaya gramota» of the Uzola volost of 1560, and some the mass sources – decree letters, scribble, otvodnaya and otkaznaya books. An important conclusion is made concerning the relationship between the practice of implementing the zemstvo reform and the activities of community representatives in the Nizhny Novgorod palace village. The study revealed individual cases when the boundaries of peasant communities and palace territorial-economic complexes did not coincide. Analysis shows that there are certain features in the functioning of mir starostas and other elected peasants in bread-making and honey-making villages.

Keywords: sotnaya gramota, palace volost, obschina, peasants, peasant self-government, starosta, Nizhniy Novgorod region, Uzola volost.

References

1. Nazarov V.D. Formy social'noj organizacii krest'yanstva i sud'by obshchiny. Krest'yanstvo v sisteme soslovnogo predstavitel'stva // Istoriya krest'yanstva SSSR. S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. T. 2. Krest'yanstvo v period rannego i razvitogo feodalizma / Otv. red. N.A. Gorskaya. M., 1990. S. 273.

2. Sokolova N.V. Obshchina i mirskoe samoupravlenie v Zauzol'skoj volosti vo vtoroj polovine XVI v. // Gorodeckie chteniya. Vyp. 3. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aleksandr Nevskij i ego ehpoha». Gorodec, 20–23 marta 2000 g. Gorodec, 2000. S. 103–117.

3. Zvezdin A.I. Materialy po istorii zaseleniya Nizhegorodskogo kraya // Dejstviya Nizhegorodskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii: Sbornik statej, soobshchenij, opisej del i dokumentov: T. [1]–18 / Nizhegorodskaya uchenaya arhivnaya komissiya. Nizhnij Novgorod, 1888–1916. 44 t. 1908. T. VII. S. 152–158.

4. Koreckij V.I. Zakreposhchenie krest'yan i klassovaya bor'ba v Rossii vo vtoroj polovine XVI v. M., 1970.

5. Kudryavcev I.M., Shlihter B.A., Shchapov Ya.N. Arheograficheskie poezdki Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im. V.I. Lenina v 1953–1956 godah // Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 god. M., 1958. S. 265–301.

6. Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi v X–XIV vv. M., 1984.

7. Piscovye materialy dvorcovyh vladenij vtoroj poloviny XVI veka / Sost. E.I. Kolycheva, N.P. Voskobojnikova; otv. red. N.A. Gorskaya. M., 1997.

8. Sirotkin S.V. Sotnaya 1560 g. s piscovoj knigi 1558/59 g. na Uzol'skuyu volost' Balahninskogo uezda // Ocherki feodal'noj Rossii. Vyp. 19. M.; SPb., 2016. S. 115–178.

9. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. T. I. SPb., 1841. № 165.

10. Opisi carskogo arhiva XVI v. i arhiva Posol'skogo prikaza 1614 goda. M., 1960.

11. Nosov N.E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdenij v Rossii. Izyskaniya o zemskoj reforme Ivana Groznogo. L., 1969.

12. Namestnich'i, gubnye, zemskie i ustavnye gramoty Moskovskogo gosudarstva. M., 1909.

13. Opisanie aktov sobraniya grafa A.S. Uvarova. Akty istoricheskie, opisannye I.M. Kataevym i A.K. Kabanovym. M., 1905. № 61, 62.

14. Sokolova N.V. K istorii velikoknyazheskogo domena, ili Popytka novogo prochteniya knigi M.A. Zhedrinskogo i pod'yachego Karpa Ignat'eva (1533 g.) // Ehlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2017. T. 8. Vypusk 8 (62) [Ehlektronnyj resurs]. Dostup dlya zaregistrirovannyh pol'zovatelej. URL: http://history.jes.su/s207987840001886-3-1 (data obrashcheniya: 15.02.2018).

15. Kisterev S.N. Obozrenie 19-go vypuska «Ocherkov feodal'noj Rossii» // Vestnik «Al'yans-Arheo». Vyp. 18. M.; SPb., 2017. S. 3–30.

16. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoyu ehkspediciej Imperatorskoj Akademii nauk.. SPb., 1836. T. I. № 201, 240.

17. Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya. 1506–1608 gg. / Sost. S.N. Kisterev, L.A. Timoshina, red. S.N. Kisterev. M., 1998.

18. Anpilogov G.N. Nizhegorodskie dokumenty XVI veka (1588–1600 gg.). M., 1977.

19. Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraya konca XVI – pervoj chetverti XVIII veka / Sost. A.V. Antonov, A.A. Bulychev, V.A. Kadik, S.V. Sirotkin. M., 2015. Ch. 1.

20. Sirotkin S.V. Sotnaya 1533 g. na Uzol'skuyu volost' Balahninskogo uezda // Ocherki feodal'noj Rossii. Vyp. 6. M., 2002.

21. Chechenkov P.V. Mezhdu vojnoj i krizisom: tendencii agrarnogo razvitiya Nizhegorodskogo kraya v 60–70-h godah XVI v. // Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 2016 god: Agrarnoe osvoenie i demograficheskie processy v Rossii X–XXI vv. M., Ufa, 2016. S. 57–64.

22. Danilova L.V. Sel'skaya obshchina v Srednevekovoj Rusi. M., 1994.